

«НЕИЗВЕСТНАЯ» ФОРМА СОБСТВЕННОСТИ В СССР

© 2019 г. А. С. Смыкалин

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург

E-mail: smykalin@mail.ru

Поступила в редакцию 15.05.2017 г.

Статья посвящена исследованию государственно-конфессиональных отношений и, в частности, понятию «церковная собственность». Прослеживается сложный исторический путь развития взаимоотношений между Церковью и Государством начиная с 1917 г. и по настоящее время. Анализируются ранее секретные документы, регулировавшие право церковной собственности в 1922–1945 гг. Обращается внимание на правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений и новую церковную политику сегодняшнего дня.

Ключевые слова: Церковь и Государство в СССР, исторический путь, секретные документы, правовое регулирование, форма собственности, государственно-конфессиональные отношения, новая церковная политика.

DOI: 10.31857/S013207690003858-5

Слово «неизвестная» не случайно взято в кавычки, поскольку в целом эта форма собственности хорошо известна в историко-правовой науке. Но из-за ряда нормативных актов СССР, имевших гриф «секретно» или «совершенно секретно», образовались пробелы в законодательстве в отношении этой формы собственности.

Речь пойдет о «церковной форме собственности». Но сначала — небольшая предыстория государственно-конфессиональных отношений в советском государстве.

Антагонистические противоречия Русской Православной Церкви и советского социалистического государства (1917–1922 гг.)

Поскольку Церковь «не вписывалась» в рамки коммунистической идеологии, с ней велась борьба. Прежде всего надо было ликвидировать у нее экономическую основу. Напомним, что до революции 1917 г., а точнее до октябрьского государственного переворота, Русская Православная Церковь обладала значительной материальной собственностью в государстве в форме земель, зданий и сооружений, небольших заводов и мастерских.

Таким образом, помимо идеологической задачи — борьбы с религией была поставлена задача экономическая — **уничтожить церковную собственность**. Большевики посчитали, что начать этот процесс необходимо с лишения церкви прав юридического лица, придав тем самым легитимный характер своей деятельности.

Первым документом в этом направлении был Декрет СНК от 23 января 1918 г. № 263 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹. В п. 12 было установлено: «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью» и далее, в п. 13: «все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

Если это был первый официальный документ, опубликованный в открытой печати, то последующие, регулирующие порядок государственно-конфессиональных отношений, уже имели гриф «секретно» или «совершенно секретно». По указанию В.И. Ленина от 1 мая 1919 г. № 13 666/2 (с грифом «секретно» снятие копий запрещается, из здания не выносятся) было настоятельно рекомендовано: «В соответствии с решением ВЦИК и Сов. Нар. Комиссаров необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов подлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно (выделено в источнике. — А.С.) и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов печатывать и превращать в склады...»².

Борьба с Церковью теперь становится государственной политикой. И ей посвящаются

¹ См.: Газета Рабочего и Крестьянского Правительства (РСФСР. — А.С.). 1918. 23 янв.

² Кудий Г.Н. Хрушев на царстве. М., 2016. С. 202, 203.

специальные заседания Политбюро. Практическая реализация указанного Декрета вызывала на практике массу вопросов о его применении на местах. В связи с этим Народный Комиссариат Юстиции РСФСР (НКЮ РСФСР) и Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД) давали свои разъяснения.

Они подчеркивали: «Религиозные общества, хотя и приравняются к частным обществам, но в отличие от последних, не имеют права собственности и прав юридического лица» (п. 2)³. Было обращено внимание на то, что религиозные общества не могут «заключать какие-то бы не было общественные договоры и сделки или устанавливать принудительные сборы...» (п. 12), т.е. было сделано все, чтобы вывести Церковь из гражданско-правового оборота социалистического общества.

В Конституции РСФСР 1918 г. (п. «а» разд. I гл. II) было записано: «частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием...»⁴.

Поскольку на практике в различных регионах страны возникали конкретные вопросы в области государственно-конфессиональных отношений, V отдел НКЮ РСФСР подготовил специальные разъяснения по этим вопросам, цель которых — разъяснить основные принципы Декрета от 23 января 1918 г., в том числе и юридическое положение церковных учреждений, так называемое церковно-имущественное право, гражданские права и обязанности служителей культа, принудительные сборы и обложения и т.п.⁵

Возвращаясь к понятию собственности вообще, необходимо отметить, что 22 мая 1922 г. состоялась III сессия ВЦИК РСФСР, которая приняла Декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»⁶. Основные положения этого Декрета вошли в ГК РСФСР 1922 г.

Что касается собственности Церкви, то разъяснялось, что она, не являясь юридическим лицом, **лишена и права собственности**. В частности, в гл. XII «Юридическое положение церковных учреждений» и гл. XIII «Церковно-имущественное право» указанного сочинения П. В. Гидулянова отмечалось: «5-й Отдел НКЮ разъяснил: Исходя из принципа, что религия есть частное дело отдельного верующего, декрет об отделении церкви от государства

от 23-го января 1918 г. не признает церкви или религиозного общества, как юридического института, а допускает существование лишь отдельных религиозных групп граждан, объединяющихся для удовлетворения религиозных потребностей. Группа эта правами юридического лица не пользуется и не может владеть собственностью. По духу советского законодательства, каждая такая группа верующих — это вольная самодовлеющая церковь, которая может устраивать собственную жизнь и иметь какие угодно верования, лишь бы при этом не нарушался законный и общественный порядок и не затрагивались права граждан Советской России. Если, однако, какая-либо группа под религиозным флагом проявляет деятельность, за которую, согласно советского законодательства, подлежат закрытию частные союзы и общества, то местному совдепу принадлежит право пересмотреть договор, заключенный с данной группой верующих. В виду этого советское законодательство и государство не вмешиваются в вопросы церковной иерархии, образовавшихся на его территории религиозных групп, предоставляя им в делах внутренней организации и устройства полную самостоятельность, вплоть до провозглашения себя автономией, ни от кого независимой церковной общиной. В соответствии с этим 5-й Отдел НКЮ неоднократно разъяснял, что подчинение отдельной группы граждан, а также и священнослужителей своему епископу является в РСФСР, как и во всей Западной Европе, совершенно добровольным, так как налагаемые церковною властью канонические кары и наказания за непокорность, неподчинение духовной власти в роде отлучения, интердикта, низложения, лишения должности, перемещения и т.д. не имеют никакой юридической силы в РСФСР, потому что не от епископа, а от самой группы верующих зависит сделать свободный выбор между епископом или угодным группе священнослужителем.

В виду изложенного и принимая во внимание, что декрет 23-го января 1918 г. не признает за церковью в целом, прав юридического лица, или говоря иначе, не считает какую-либо историческую церковь, как-то: римско-католическую, евангелическо-реформаторскую, греко-православную и т.п. за правовой организм, 5-й Отдел полагает, что высшая иерархическая организация всех вышеперечисленных церквей, как-то: епархиальная, диоцезальная, центральная, не подлежат регистрации со стороны советской власти в РСФСР ввиду системы отделения церкви от государства»⁷.

Из этого разъяснения четко видно, что Церковь не попадала под определение общественной организации или иные формы собственности. Значит,

³ См.: СУ РСФСР. 1923. № 72, ст. 699 (здесь и далее орфография и пунктуация в документах сохранены. — Прим. ред.).

⁴ Конституция РСФСР 1918 г. // История отечественного государства и права. Ч. 3. Екатеринбург, 2009. С. 81—94.

⁵ См.: Гидулянов П. В. Церковь и государство по законодательству РСФСР: сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ / под ред. П. А. Красикова. М., 1923.

⁶ См.: СУ РСФСР. 1922. № 36, ст. 423.

⁷ Разъяснения V Отд. НКЮ от 30 августа 1919 г. № 1056; Революция и Церковь. 1919. № 3. С. 69.

можно сделать вывод, что в период 1917—1922 гг. она не имела никакой формы собственности и не являлась юридическим лицом.

Гражданский кодекс РСФСР, который был принят IV сессией ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г., уже предусматривал в ст. 52 (разд. «Вещное право») следующие виды собственности: **а) государственную (национализированную и муниципализированную), б) кооперативную, в) частную.** Необходимо, правда, указать, что «частная собственность» допускалась в ограниченных пределах, и небольшие предприятия должны были иметь строго ограниченное число рабочих. Ничего не говорилось в законе о личной собственности граждан РСФСР. Исходя из анализа ст. 54 ГК РСФСР 1922 г., она смешивалась с понятием частной собственности. **И, естественно, вообще не говорилось о собственности церковных организаций.**

Вместе с тем такая собственность в СССР существовала. Ведь у религиозных организаций даже в самые суровые годы репрессий существовали свечные заводы, мастерские, выпускавшие церковную утварь, пошивочные мастерские, транспорт и т.п.

И как же регулировались эти государственно-конфессиональные отношения? Факт их существования не отрицает никто, но, поскольку они противоречили Конституции РСФСР и по официальным законодательным актам эти документы имели грифы «секретно» и «совершенно секретно», постольку не вписывались в антирелигиозную политику, проводимую коммунистической партией.

Церковь безусловно не являлась общественной организацией. Более того, как свидетельствуют архивные документы, ее деятельность была контрреволюционной и антагонистически противоположной задачам коммунистического строительства. Патриарх Тихон предал коммунистов анафеме. Священнослужители были объявлены «классовыми врагами» и стали жертвами репрессий, ибо во время Гражданской войны они часто оказывали поддержку контрреволюционерам.

По окончании Гражданской войны власти приняли новые меры против Церкви. В феврале 1922 г. государство конфисковало у Церкви драгоценности на борьбу с голодом. Соппротивление священников и верующих вызвало волнения, за которыми последовали процессы и казни. В июле 1922 г. группа священников, готовых сотрудничать с советской властью, оформилась в течение «Живой церкви». Ее представители провели в 1923 г. Собор, который отменил патриаршество и рекомендовал Церкви приблизиться к нуждам народа. 28 июня 1923 г. патриарх Тихон признал законность советской власти. Тем не менее большевики были

непоколебимы по отношению к Церкви и развлекли антирелигиозную кампанию.

После смерти патриарха Тихона в апреле 1925 г. выборы нового патриарха не состоялись. Его обязанности взял на себя митрополит Петр, высланный в 1926 г. в Сибирь, а затем митрополит Сергей, призвавший в 1927 г. к «подчинению законной власти России». Против этого выступила группа священников, объединившаяся вокруг митрополита Иосифа (многие из них были отправлены на Соловки). В то время как Церковь разделилась в отношении к власти, последняя усилила контроль местных властей за еще существующими приходами, издав 8 апреля 1929 г. соответствующий Декрет. Введение в августе 1929 г. продолжительной рабочей недели (пять рабочих дней, один день выходной так называемой непрерывки), по сути, упразднило воскресенье и религиозные праздники. Начался новый виток репрессий⁸.

Борьба с религией в рассматриваемый исторический период носила не только декларативный характер, но была весьма конкретной. Жертвами красного террора в 1918—1922 гг. стали не только представители имущих классов, но и священники, профессора и преподаватели вузов, работники умственного труда, рабочие, солдаты и крестьяне, не согласные с политикой большевиков. Представление об этом дают официальные данные, опубликованные 7 ноября 1923 г. в эдинбургской газете «The Scotsman».

Среди жертв красного террора 1918—1923 гг. были: епископы — 28, священники — 1219, профессора и преподаватели — 6000, врачи — 9000, земледельцы — 12 950, офицеры — 54 000, полицейские (?) — 70 000, рабочие — 193 290, солдаты — 260 000, различные работники умственного труда — 355 260, крестьяне — 815 000. **Всего 1 776 747⁹.**

Та часть священнослужителей России, которая не подверглась открытому террору и расстрелам сразу, испытывала впоследствии ущемление своих прав. Это выразилось в лишении избирательных прав, трудоустройстве, оплате труда служителей культа и прочих жизненных лишениях. Так было сформировано мнение о том, что священнослужитель — заклятый враг, находящийся по ту сторону баррикад. Это подтверждается и конкретными нормативными актами, и разъяснениями, которые давали Наркомат юстиции и Наркомат внутренних дел.

Анализируя журнал «Революция и Церковь» за 1922—1923 гг., можно выделить три основные

⁸ См.: Управление архивами Свердловской области. Государственный архив административных органов (УГААСО). Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 39031.

⁹ См.: Пушкарев Б. С. Две России XX века (1917—1993). М., 2008. С. 127.

группы вопросов, которые волновали верующих и по которым вышеназванные наркоматы давали разъяснения: об оплате труда служителей культа; об избирательном праве священнослужителей; о праве собственности Церкви.

Попытаемся последовательно ответить на эти вопросы.

Об оплате труда служителей культа. Согласно Декрету об отделении церкви от государства служители культа приглашаются, увольняются и содержатся за счет группы верующих. Группа верующих г. Мологи Ярославской губернии ходатайствовала об отпуске содержания служителю культа за счет государственных средств. V Отдел разъяснил, что если группа верующих не имеет средств содержать служителя культа, то было бы совершенно несправедливо налагать бремя их содержания на весь трудовой народ. Сверх того, V Отдел обратил внимание просителей на следующее: согласно Конституции рабоче-крестьянского государства гражданин, извлекающий средства к жизни непроизводительным трудом (например, служением культу), не может рассматриваться как элемент трудовой. Таким трудовым элементом служитель культа может сделаться, только отказавшись от всяких доходов за культ и добывая средства к существованию общественно полезным трудом.

V Отдел сообщил в Законодательный отдел Управления делами Реввоенсовета Республики, что оплата труда служителя культа по обслуживанию религиозных нужд за счет народной казны стоит в полном противоречии с § 1 Декрета об отделении церкви от государства. Самый наем служителя культа официально представителями советской власти недопустим (21 июля 1920 г. № 748)¹⁰.

С этим разъяснением связано и разъяснение V Отдела НКЮ об объеме гражданских прав. В частности, отмечается, что служители культа, как имеющие «нетрудовой заработок и занимающиеся непроизводительным трудом, не могут пользоваться полными гражданскими правами»¹¹.

Об избирательном праве служителей культа в кооперациях. V Отдел Наркомюста разъяснил (на запрос Центросоюза от 04.06.1921 г. № 22 740), что действие Декрета СНК от 15 января 1921 г. о порядке предоставления работы служащим религиозных культов распространяется на сотрудников Центросоюза и подведомственных ему кооперативных организаций, так как в Декрете от 7 апреля 1921 г., опубликованном в № 76 «Известий ВЦИК» от 9 апреля 1921 г., в ст. 10 «О потребительской кооперации» сказано: «Правом избирать и быть

избираемым во все органы управления и контроля потребительских обществ пользуются все граждане, за исключением тех, кои лишены избирательного права». Согласно Конституции РСФСР к такой категории граждан, не имеющих избирательных прав, относятся и служители религиозных культов (12.12.1921 г. № 777)¹².

Что касается **церковной собственности** (напомним, что Церковь в соответствии с Декретом от 23 января 1918 г. была лишена ее), то V Отделом НКЮ разъяснялось, что «замена церковной утвари, обстановки и т.п. ломом из драгоценных металлов, разрешение на которую выдается в отдельных случаях членам групп верующих Комиссией по изъятию ценностей, никаких новых имущественных прав для последних не создает, т.к. эти вещи продолжают составлять собственность государства, а потому они не должны исключаться из описи церковного имущества и могут быть оставлены за верующими, произведшими замену только в пользовании по обычным договорам (17.06.1922 г., № 359)»¹³, т.е. юридически согласно Конституции РСФСР 1918 г. ее как бы и не существовало больше, но фактически дела обстояли несколько иначе.

Естественно, что в условиях непрерывной войны с религией в 1920—1930-е годы документы, регулирующие правовой аспект государственно-конфессиональных отношений, не могли быть обнародованы. Это касалось и церковной собственности, и вообще порядка действий органов государственной безопасности по разложению Русской Православной Церкви. Представленные рассекреченные документы в полной мере дают представление о характере борьбы с религией в СССР. Наиболее ранние из них как раз относятся к 1922 г.

Секретные документы, регулирующие государственно-конфессиональные отношения в СССР (1922—1945 гг.)

Анализ этих засекреченных в свое время документов свидетельствует, что вопросы религии в РСФСР, а затем в СССР и все предварительные решения сначала обстоятельно «прорабатывались» на самом верху, например:

Доклад Комиссии по проведению отделения Церкви от государства о проделанной работе 4 ноября 1922 г., представленный в Политбюро ЦК РКП(б).

Как показывает анализ архивных документов, целью органов государственной безопасности являлось разложение Церкви с использованием при этом агентуры и различных течений в религиозных организациях. В письме Ф.Э. Дзержинскому от заведующего

¹⁰ См.: Революция и Церковь. 1922.

¹¹ Регельсон Л. Трагедия русской Церкви. М., 2007. С. 265.

¹² См.: Революция и Церковь. 1922.

¹³ Там же.

секретным отделом ВЧК Т.П. Самсонова от 4 мая 1920 г. (п. 4) прямо говорилось: «До сих пор ВЧК занималось только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории Республики имеется еще ряд не менее сильных религий, каков Ислам и пр., где нам тоже придется шаг за шагом внести то же разложение, что и в православной церкви».

Секретный отдел ОГПУ внедрял агентуру в среду служителей православной церкви с целью создания внутри нее враждующих группировок. Преследовались религиозные организации, призывавшие не подчиняться «антихристовой власти» («имяславцы», «федоровцы»).

Этот процесс продолжался и в дальнейшем. Государство непримиримо антагонистически относилось к религии вообще. Об этом свидетельствуют некоторые документы, например протокол совещания по вопросу о возможности смягчения наказания петроградским церковникам, приговоренным к высшей мере наказания 5 июля 1922 г.

Процесс индустриализации страны в 1930-е годы вызвал острую необходимость в снабжении строящихся объектов (заводов, электростанций) цветным металлом. И кому-то из руководства страны пришла в голову мысль о том, что необходимый лом можно получить от переплавки церковных колоколов, благо, что на Руси были тысячи церквей. Это предложение было оформлено распоряжением СНК и СТО (Совет Труда и Оборона) и подписано Председателем СНК СССР Рыковым. Естественно, этот документ тоже имел гриф «совершенно секретно», чтобы не вызвать протеста верующих:

«Предложения ВСНХ СССР о проведении изъятия колоколов в городах и указании Председателя СНК СССР А.И. Рыкова по этому вопросу правительства союзных республик.

Сов. секретно

СНК РСФСР — т. Сырцову

СНК УССР — т. Чубарю

СНК БССР — т. Голодеру

Копия — ЦСНХ СССР — т. Догадову

ВСНХ СССР обратился в правительство СССР с представлением о необходимости получения в квартале октябрь — декабрь 1930 года и в январе — июне 1931 г. не менее 25 тыс. тонн лома колоколов, в том числе по РСФСР не менее 20 тыс. тонн, по УССР — не менее 4 тыс. тонн и по БССР не менее 1 тыс. тонн.

Для осуществления этого ВСНХ СССР предлагает провести изъятие колоколов в городах в следующем порядке:

1) изъять колокола со всех церквей в городах, где колокольный звон запрещен;

2) в городах, где колокольный звон не запрещен, изъять с церковей лишние колокола.

Учитывая необходимость снабжения цветными металлами промышленности, электростроительству и транспорта, прошу срочно рассмотреть этот вопрос в правительствах союзных республик и дать соответствующие указания наркомвнуделам союзных республик».

Мощное идеологическое влияние Русской Православной Церкви на умы и действия многомиллионной массы верующих в годы Великой Отечественной войны и неусыпный мониторинг международной общественности вынудили государство в лице советского правительства сократить оголтелую пропаганду и репрессии против священников.

Продолжая внимательно следить за действиями Русской Православной Церкви, тем не менее правительство разрешило издательству Московской патриархии выпустить книгу «Правда о религии в СССР». Приведенный ниже совершенно секретный документ подтверждает этот факт.

«Докладная записка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову о выпуске издательством Московской патриархии книги “Правда о религии в СССР”

25 июня 1942 г.

№ 1114/Б

г. Москва

Совершенно секретно

НКВД СССР

товарищу Молотову

Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) от 10 марта 1942 г. за № П/259 книга “Правда о религии в СССР” выпущена в издании Московской патриархии.

Книга предназначена в основном для распространения за границей. Один экземпляр при этом представляю.

Приложение: по тексту.

Народный комиссар внутренних дел

Л. Берия»¹⁴.

¹⁴ Цит. по: Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов. М., 2009. С. 180.

Уже через год после смерти И. В. Сталина, 7 июля 1954 г., выходит постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Постановление прямо обязывало Министерство просвещения, комсомол и профсоюзы усилить антирелигиозную пропаганду в стране.

Основная задача коммунистической партии выражалась теперь в публичных выступлениях, критикующих Церковь, различного рода антирелигиозных мероприятиях. И средства массовой информации, печать, радио, телевидение были направлены на борьбу с Церковью и религией в целом, как противоречащим идеологической доктрине большевиков.

Предчувствуя новые гонения, Патриарх Алексий I в мае 1958 г. добился личной встречи с Н. С. Хрущевым, во время которой поставил вопрос о передаче **Церкви типографии, переселении жильцов Троице-Сергиевой лавры и об открытии 13 православных храмов.**

Однако в условиях антицерковной пропаганды все эти просьбы были отклонены.

Более того, с осени 1958 г. начался новый виток наступления государства на Церковь. 6 октября 1958 г. появились два постановления Совета Министров СССР: «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей».

Поэтому говорить об особой форме собственности — «церковной» — в период «хрущевской оттепели» особо не приходится. Было сделано все для устранения религии вообще из жизни социалистического общества, поколение людей которого к 1980 г. должно было жить при полном коммунизме. Возвращаясь к анализу вышеназванных нормативных актов, необходимо отметить, что в них практически ставился вопрос об уничтожении монастырских угодий, монастырской экономики вообще и сокращении числа самих монастырей как таковых. Церкви также запрещалось продавать свечи по ценам более высоким, чем они приобретались в свечных мастерских, что означало банкротство для большинства храмов, роспуск платных церковных хоров, сокращение персонала и закрытие свечных мастерских.

У монастырей отнимались удобные угодья и оставлялись неудобные, которые сами насельники этих обителей с трудом могли обработать из-за запрета наемного и добровольного паломнического труда, а также из-за запрета принимать в монастыри лиц моложе 30 лет. Был повышен налог и с церковных земельных участков, включая даже кладбища при церквях и монастырях. Из библиотек разом исчезли церковные книги. Власть

пыталась не пускать верующих в святые места, рядом с ними или даже прямо на их месте устраивались свинарники и мусорные свалки. Партийным и общественным организациям предписывалось развернуть наступление на религиозные пережитки в сознании и быте советских людей. 8 мая 1959 г. был основан журнал «Наука и религия», а следом грянула мощнейшая атеистическая кампания. Газеты заполнялись кощунственными карикатурами и статьями с оскорблениями в адрес религии, верующих и священнослужителей. Комсомольцы вновь стали устраивать дебоши в храмах во время богослужения, а попытки сопротивления приводили к столкновениям и закрытию церквей. Одновременно население весьма сурово преследовалось за свершение любых церковных обрядов — крещение детей, венчание, даже просто за посещение храма, — началось систематическое и целенаправленное закрытие церквей и монастырей вплоть до их сношения как таковых, часто несмотря на архитектурную, историческую и культурную ценность таких сооружений.

Первоначально удар нанесли по сельским церквям: было закрыто 348 приходов не только в тех местах, откуда жители мигрировали в город, но и там, где прихожане еще могли содержать храм. Только за 1959 г. было закрыто 18 монастырей (6 мужских и 12 женских) и четыре скита из общего числа монастырей и семи скитов.

Репрессиям подверглись и представители духовенства. В 1961 г. судили архиепископа Иркутского Вениамина (до того уже осужденного в 1944 г. на 12 лет по ст. 58). На этот раз против него выдвинули вообще абсурдное обвинение в «покупке по дешевке краденого вазелинового масла». Были также осуждены и посажены в тюрьму архиепископ Черниговский Андрей Сухенко и епископ Ивановский Иов Кресович. Их обвиняли в превышении должностных полномочий и недоплате налогов. Оба получили сроки, правда, по сравнению с 20 годами это были сроки, как говорится, «детские»: пять—шесть лет. Но они все же были. А всего за годы хрущевских церковных репрессий было осуждено не менее сотни священников, получивших реальные тюремные сроки¹⁵.

В этих условиях поднимать вопрос о собственности Церкви было просто невозможно.

Русская Православная Церковь в послевоенный период (1950—1970-е гг.)

Всего в 1958—1964 гг. закрыли больше 4 тыс. православных храмов. Если 1 января 1963 г. только Русская Православная Церковь имела 10 100 приходов, то уже 21 августа того же года в СССР осталось 8 314 общин всех православных церквей, в том

¹⁵ См.: Кудрий Г. Н. Хрущев на царстве. М., 2016. С. 204—207.

числе 44 прихода Грузинской церкви. Ну а кульминацией нападков Хрущева на Церковь стал взрыв Преображенского храма в Москве в начале июля 1964 г. под предлогом строительства метро. очевидцы вспоминают, что церковь будто поднялась над землей и рассыпалась. Люди в слезах брали кирпичики на память.

Конечно, все это было не случайно. Дело в том, что Хрущев и не думал останавливать преследования Православия и Церкви вообще, так как уже в 1980 г. собирался «показать по телевизору последнего попа», видимо, в знак торжества полной и окончательной победы коммунизма. «Мы продолжаем быть атеистами и будем стараться освободить от религиозного дурмана как можно большее количество народа», — заявлял он еще в 1955 г.¹⁶

Церковь в советское время почти всегда была тесно связана с органами госбезопасности. Сначала Совет по делам Русской Православной Церкви вообще был подразделением Комитета государственной безопасности (КГБ). Но при Хрущеве его функции сузили и вместо кадрового чекиста Г.Г. Карпова руководить церковными делами назначили обычного партийного функционера В.А. Куроедова, хотя его замы все равно были из органов госбезопасности. Учитывая активную внешнеполитическую деятельность Церкви, контрразведка, разумеется, курировала деятельность Русской Православной Церкви и тщательно проверяла всех выезжающих за границу священников.

Давая общую оценку хрущевскому периоду в борьбе с религией в СССР, возможно согласиться с любопытной точкой зрения, высказанной недавно.

В ходе антирелигиозной кампании 1954—1964 гг. Церковь лишили возможности нормально функционировать, но, как ни странно, был и определенный плюс в этом, а именно: интеллигенция, ранее равнодушная к религиозным проблемам, стала сочувствовать и выступать в защиту религии. И нарастающее диссидентское движение в СССР стало выступать в защиту священнослужителей. Например, академик А.Д. Сахаров, даже не будучи верующим человеком, стал посещать суды, где преследовали верующих, защищал их, писал открытые письма¹⁷.

Таким образом, русская интеллигенция стала активно проявлять себя в деле защиты Русской Православной Церкви и религии в целом.

Прекращение существования СССР и новая церковная политика

¹⁶ См.: там же. С. 210—213.

¹⁷ См.: Сахаров А.Д. Воспоминания. 1971—1989 гг.: жизнь продолжается. М., 2016. С. 266, 267.

Новая эпоха в истории Русской Православной Церкви началась Поместным Собором 1990 г., который после кончины Святейшего Патриарха Пимена избрал нового Первосвященителя — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Здесь уместно будет сказать о том, что на всем протяжении истории советское государство проводило антагонистическую политику по отношению к Церкви. И это проявлялось не только в идеологии, но и в массовых политических репрессиях против священнослужителей.

И, как показывает историко-правовой анализ государственно-конфессиональных отношений, в СССР и в законодательстве социалистического государства существовал целый ряд правовых норм (открытых, а более — секретных), существенно ограничивавших религиозную свободу и право церковной собственности.

Архиерейский Собор, состоявшийся в августе 2000 г., принял ныне действующий Устав Русской Православной Церкви, который заменил Устав 1988 г.

Главные новации Устава 2000 г. — перераспределение компетенций Поместного и Архиерейского Соборов (полномочия последнего расширились). Новый Устав не определял декларируемой Уставом 1988 г. периодичности созыва Поместных Соборов. Он предусматривал проведение реформы в сфере церковного суда (так, положения, регламентирующие судостроительство и распределение компетенции разных инстанций церковного суда, выделены в нем в отдельную главу); устанавливал различный статус для Церквей, имеющих разный уровень самостоятельности по отношению к кириархальной¹⁸ Русской Православной Церкви; формулировал положения, регламентирующие порядок распоряжения церковным имуществом (с учетом ныне действующего законодательства). Заметим, что, когда принимался Устав 1988 г., вопрос о признании за церковными учреждениями прав юридических лиц только решался. Устав об управлении Русской Православной Церковью стал именоваться просто Уставом Русской Православной Церкви.

Таким образом, обращаясь к истории взаимоотношений Церкви и государства, необходимо отметить их непростой характер. Марксистско-ленинская идеология вообще не допускала существования религии, называя ее «опиумом для народа». В соответствии с антагонистическим противоречием и строились эти взаимоотношения. Советская власть вынуждена была терпеть верующих,

¹⁸ Кириархальная Церковь — Церковь, стоящая над автономной Церковью. — *Прим. авт.*

а поскольку их были миллионы, то речь шла о народе в целом.

Столетиями жила и развивалась религия. Она играла большую роль в жизни государства и оказывала огромное воздействие не на какую-то ограниченную группу людей и даже не на один какой-то класс, а на весь народ, в том числе и на неверующих, которых, к слову сказать, было в нашей стране меньшинство.

Разрушить все это одним ударом было невозможно, но именно такая попытка была предпринята после Октябрьской революции. От столицы до самых маленьких деревень рушились церкви, закрывались монастыри, преследовались не только служители Церкви, но и просто верующие. На глазах у всех летели на землю и разбивались церковные колокола, срывались кресты, а в оскверненных храмах размещались конюшни или склады. Церкви, которые вообще никак не использовались, постепенно ветшали и разрушались, но верующим их не возвращали, несмотря на бесчисленные просьбы.

И эта «генеральная линия» продолжалась не одно десятилетие. Правда, в конце 60-х годов наметился сдвиг. К Церкви стали относиться терпимее, власти закрывали глаза на появление молитвенных домов, стали более терпимо относиться и к открытию храмов. Но это не решало проблему свободы вероисповедания, свободы совести. Именно поэтому расчет на возбуждение недовольства советской властью среди верующих продолжал оставаться одним из важных рычагов в «холодной войне»¹⁹. Таково мнение одного из руководителей органов государственной безопасности СССР. Выступая на одном из всесоюзных совещаний руководящего состава органов государственной безопасности в 1981 г., он отмечал, что необходимо выработать новый подход к Церкви. Страна живет по старым канонам. Нельзя больше относиться к верующим как к людям второго сорта. Следует изменить отношение к Церкви и к верующим²⁰.

Необходимо было учитывать и проблемы внутри самой Русской Православной Церкви. Достаточно упомянуть проблему русской церковной эмиграции.

Общеизвестно, что после Октябрьского государственного переворота за рубежом оказалось и большое количество служителей культа, ушедших вместе с монархически настроенными белогвардейцами. Они собрались в Карловце, провели Собор и избрали своего Патриарха, объявив себя Русской Православной Церковью за рубежом.

Она официально стала именоваться Карловацкой церковью.

Московскую Патриархию эмигранты не признавали. Долгие годы продолжалась эта конфронтация. Попытки Московской Патриархии установить контакт, заключить какой-то союз, сблизиться ни к чему не привели. Организационным оформлением Русской Православной Церкви за рубежом стал I Всеаглицкий Русский Церковный Собор, который открылся в Сремских Карловцах в Сербии 21 ноября 1921 г.

Долгое время Карловацкая церковь пыталась противопоставить себя Московской Патриархии, вернуться на Родину и занять лидирующее положение, считая себя единственным христианским центром всех верующих России. С каждым годом все глубже становился раскол Русской Православной Церкви, возникали приходы Карловацкой церкви на территории России.

И лишь в 2007 г. произошло знаменательное событие в истории России — объединение Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Зарубежной Церкви²¹.

Возвращаясь к вопросу о церковной собственности в настоящее время, необходимо отметить, что современное законодательство Российской Федерации предоставляет Православной Церкви и ее каноническим подразделениям, а равно как и другим религиозным общинам, права юридического лица, включая и право собственности²². В Конституции РФ отмечено, что в стране «признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности» (ст. 8).

Статья 50 «Коммерческие и некоммерческие организации» ГК РФ предусматривает, что юридическими лицами (а Церковь с 1 октября 1990 г. таковым является) могут являться организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечения прибыли в качестве такой цели и распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации).

Возникает еще один важный вопрос: а является ли Церковь общественной организацией? Ответ на него дает анализ статей Гражданского кодекса РФ. В п. 4 ст. 213 «Право собственности граждан и юридических лиц» прямо сказано, что «общественные и религиозные организации (объединения),

¹⁹ См.: Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 355, 356.

²⁰ Там же. С. 356.

²¹ См.: Маковецкий А. Белая церковь вдали от атеистического террора (История Русской Православной Зарубежной Церкви). СПб., 2009. С. 29.

²² См.: Цыпин В. Каноническое право. М., 2009. С. 718.

благотворительные и иные фонды являются собственниками приобретенного ими имущества»²³, т.е. законодатель четко разделяет общественные и религиозные организации (объединения).

Многие вопросы церковной собственности и современное состояние на сегодняшний день отражены, например, в ст. 21 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»²⁴, куда в настоящее время уже внесены многочисленные изменения, которая содержит следующие положения: «1. В собственности религиозных организаций могут находиться здания, земельные участки, объекты производственного, социального, культурно-просветительского и иного назначения, предметы религиозного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности.

2. Религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное гражданами, организациями в собственность государством либо приобретенное иными способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации». Передача в собственность религиозным организациям имущества религиозного назначения, включая и «культовые здания» вместе с относящимися к ним земельными участками, осуществляется безвозмездно.

В Законе, однако, нет положения, которое предусматривало бы реституцию — возвращение религиозным объединениям, в том числе Русской Православной Церкви, имущества, которое было национализировано в 1918 г. Между тем согласно Заклчению № 193 (1996) Совета Европы Российская Федерация обязана «в кратчайшие сроки возвратить собственность религиозных организаций». Религиозным организациям предоставлено также право иметь собственность за границей. Пункт 5 ст. 21 содержит и такое важное положение: «На движимое и недвижимое имущество богослужебного назначения не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов». Составление перечня видов такового имущества Закон возлагает на Правительство РФ.

В ст. 22 этого Закона закреплено положение, согласно которому «религиозные организации вправе использовать для своих нужд земельные участки, здания и имущество, предоставляемые

им государственными, муниципальными, общественными и иными организациями и гражданами, в соответствии с законодательством Российской Федерации». При этом передача в пользование религиозным организациям культовых зданий с земельными участками, на которых они стоят, и иного имущества религиозного назначения осуществляется безвозмездно²⁵.

Право собственности Русской Православной Церкви и ее канонических подразделений гарантируется также и Гражданским кодексом РФ, который относит религиозные организации наравне с общественными к некоммерческим организациям и предоставляет им право заниматься предпринимательской деятельностью в соответствии с их целями.

Устав Русской Православной Церкви 2000 г. в гл. 15 говорит о средствах Церкви и ее канонических подразделений.

Русская Церковь «может иметь в собственности здания, земельные участки, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительного и иного назначения, предметы религиозного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения деятельности Русской Православной Церкви, в том числе отнесенное к памятникам истории и культуры». В п. 4 гл. 15 также отмечено, что Русская Церковь имеет движимое и недвижимое имущество в дальнем зарубежье. В целом гл. 15 довольно подробно и обстоятельно рассматривает понятие права собственности церковных организаций. «Имущество, принадлежащее каноническим подразделениям Русской Православной Церкви на правах собственности, пользования или на иных законных основаниях, в том числе культовые здания, здания монастырей, общецерковные и епархиальные учреждения, Духовные учебные заведения, общецерковные библиотеки, общецерковные и епархиальные архивы, иные здания и сооружения, земельные участки, предметы религиозного почитания, объекты социального, благотворительного, культурно-просветительного и хозяйственного назначения, денежные средства, литература, иное имущество, приобретенное или созданное за счет собственных средств, пожертвованное физическими и юридическими лицами, предприятиями, учреждениями и организациями, а также переданное государством и приобретенное на других законных основаниях, является имуществом Русской Православной Церкви».

Право распоряжения имуществом Русской Церкви принадлежит Синоду. Владение и пользование этим имуществом осуществляются

²³ См.: Гражданский кодекс РФ (по сост. на 01.02.2016 г.).

²⁴ В редакции Федеральных законов от 26.03.2000 г. № 45-ФЗ, от 21.03.2002 г. № 31-ФЗ, от 25.07.2002 г. № 112-ФЗ, от 08.12.2003 г. № 169-ФЗ, от 29.06.2004 г. № 58-ФЗ, от 06.07.2006 г. № 104-ФЗ, от 28.02.2008 г. № 14-ФЗ, от 23.07.2008 г. № 160-ФЗ, от 30.11.2010 г. № 328-ФЗ, от 01.07.2011 г. № 169-ФЗ.

²⁵ См.: Цыпин В. Каноническое право. С. 719.

каноническими подразделениями на основе подотчетности вышестоящему каноническому подразделению. Право частично распоряжаться этим имуществом, за исключением зданий храмов, монастырей, епархиальных учреждений, духовных школ, общецерковных, епархиальных и иных архивов, общецерковных библиотек, предметов религиозного почитания, имеющих историческое значение, Синод делегирует каноническим подразделениям, которые владеют этим имуществом и используют его.

Московская Патриархия и синодальные учреждения вправе использовать для своих нужд земельные участки, здания, в том числе храмы, объекты иного назначения, включая памятники истории и культуры, а также любое другое имущество, предоставляемое государственными, муниципальными, общественными и иными организациями и гражданами в соответствии с действующим законодательством, или иметь его в собственности. Распорядителем денежных средств Московской Патриархии является патриарх. Синодальные учреждения финансируются из общецерковных средств и путем самофинансирования. «Распорядителями средств синодальных учреждений в пределах плана расходов являются их руководители».

Распорядителем общеeparхиальных средств является правящий архиерей. «Епархия вправе использовать для своих нужд земельные участки, здания, в том числе культовые, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительного и иного назначения, включая отнесенные к памятникам истории и культуры, а также любое другое имущество, необходимое им для обеспечения своей деятельности, предоставляемое государственными, муниципальными, общественными и иными организациями и гражданами, в соответствии с законодательством страны нахождения епархии, или иметь его в собственности». Имущество, принадлежащее епархии на правах собственности, приобретенное или созданное за счет собственных средств, пожертвованное физическими и юридическими лицами, переданное государством, а также приобретенное на других законных основаниях, является имуществом Русской Церкви.

В случае ликвидации епархии как юридического лица ее движимое и недвижимое имущество религиозного назначения, принадлежащее ей на правах собственности, переходит в собственность Русской Православной Церкви, в том числе в лице Московской Патриархии. Иное имущество реализуется для удовлетворения обязательств перед кредиторами, а также для исполнения договорных и иных законных требований юридических и физических лиц. Остальное имущество после удовлетворения

законных претензий кредиторов переходит в собственность Русской Православной Церкви, в том числе Московской Патриархии. Аналогичным образом при ликвидации епархии все имущество, полученное ею на правах хозяйственного ведения, оперативного управления, пользования и на иных законных основаниях, переходит в распоряжение Русской Православной Церкви, в том числе в лице Московской Патриархии.

«Смета расходов духовных учебных заведений утверждается епархиальным архиереем, а при наличии общецерковного финансирования представляется епархиальным архиереем на утверждение Патриарха Московского и всея Руси с предварительным рассмотрением ее Учебным комитетом»²⁶. Распорядителями финансовых средств прихода, монастыря, духовного учебного заведения, братства и сестричества являются, соответственно, председатель Приходского совета совместно с членами Приходского совета на основе подотчетности Приходскому собранию во главе с его председателем — настоятелем прихода, наместник или настоятель (настоятельница) монастыря, ректор духовного учебного заведения, председатель братства или сестричества совместно с членами Совета братства и Совета сестричества».

Приход, монастырь, духовное учебное заведение, братство и сестричество вправе использовать имущество, необходимое им для обеспечения своей деятельности, предоставляемое государственными, муниципальными, общественными и иными организациями и гражданами, в соответствии с законодательством страны нахождения или иметь его в собственности. «Приход дополнительно к основному церковному зданию может по благословению епархиального архиерея иметь приписные храмы и часовни, в том числе в больничных учреждениях, в домах-интернатах, в домах для престарелых, в воинских частях, в местах лишения свободы, на кладбищах, а также в других местах — при соблюдении законодательства. В установленном порядке приход, монастырь, духовное учебное заведение, братство или сестричество могут арендовать, а также строить и покупать в собственность дома и помещения для своих нужд, равно как и приобретать в собственность другое необходимое имущество». Имущество, принадлежащее приходу, монастырю, духовному учебному заведению, братству или сестричеству на правах собственности, является имуществом Русской Православной Церкви.

В случае ликвидации прихода, монастыря или духовного учебного заведения как юридического лица их имущество религиозного назначения, принадлежащее им на правах собственности,

²⁶ Цыпин В. Каноническое право. С. 723.

переходит в собственность епархии. Иное имущество реализуется для удовлетворения обязательств перед кредиторами, а также для исполнения законных требований юридических и физических лиц. При ликвидации прихода, монастыря или духовного учебного заведения все имущество, полученное ими на правах хозяйственного ведения, оперативного управления, пользования и на иных законных основаниях, переходит в распоряжение епархии. В случае ликвидации братства и сестричества как юридического лица их имущество религиозного назначения, принадлежащее им на правах собственности, переходит в собственность прихода, при котором они созданы. Иное имущество реализуется для удовлетворения обязательств перед кредиторами, а также для исполнения законных требований юридических и физических лиц. При ликвидации братства и сестричества все имущество, полученное ими на правах хозяйственного ведения, оперативного управления, пользования и на иных законных основаниях, переходит в распоряжение прихода.

Вопросы собственности церковных организаций и проблемы их правового регулирования в современной России достаточно подробно рассматриваются в богословско-правовой литературе, а также на различного рода конференциях, посвященных проблемам совершенствования и практического применения действующего законодательства²⁷.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что историческая проблематика регулирования государственно-конфессиональных отношений в СССР изучена еще недостаточно, и связано это прежде всего с «закрытостью» и недоступностью части источников для исследования.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

в Советском государстве с 23 января 1918 г. до 1 октября 1990 г. Церковь официально не являлась юридическим лицом и была **лишена права собственности**;

однако фактически на протяжении всех 74 лет Церковь владела ограниченной собственностью. Об этом свидетельствуют приводимые здесь секретные документы Советского правительства;

²⁷ См.: Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2013; Володина Н. П. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. М., 2009; Заслужный А. Г. Право. Религия. Закон. М., 2008; Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000; Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных организаций в Российской Федерации. Конституционно-правовые основы. М., 2012; и др.

издание Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» изменило существующее положение, и в ст. 21 этого Закона указано, что **«религиозные организации обладают правом собственности»**.

В заключение справедливости ради хотелось бы отметить, что в настоящее время статус-кво восстановлен. «Неизвестной» формы собственности более не существует. Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305—1 (с изм. от 24.12.1990 г.) ликвидировал этот пробел в законодательстве. Данному вопросу посвящена отдельная ст. 18 «Собственность религиозных организаций». В ней говорится: «В собственности религиозных организаций могут находиться здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности. Религиозные организации имеют право собственности на имущество, приобретенное и созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное гражданами, организациями или переданное государством и приобретенное по другим основаниям, предусмотренным законом».

Но это совершенно не значит, что все проблемы церковной собственности решены на сегодняшний день — проблема собственности церковного имущества имеет место и сегодня (например, принадлежность церковного имущества Русской Православной Церкви на Западе, за рубежом).

Многие вопросы еще детально не изучены в историко-правовой литературе. Тем не менее правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений играет важную роль в церковной политике нынешнего Государства Российского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 355, 356.
2. Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов. М., 2009. С. 180.
3. Володина Н. П. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. М., 2009.
4. Гидулянов П. В. Церковь и государство по законодательству РСФСР: сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ / под ред. П. А. Красикова. М., 1923.
5. Заслужный А. Г. Право. Религия. Закон. М., 2008.
6. Конституция РСФСР 1918 г. // История отечественного государства и права. Ч. 3. Екатеринбург, 2009. С. 81—94.

7. *Кудий Г.Н.* Хрущев на царстве. М., 2016. С. 202—207, 210—213.
8. *Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000.
9. *Маковецкий А.* Белая церковь вдали от атеистического террора (История Русской Православной Зарубежной Церкви). СПб., 2009. С. 29.
10. *Пушкарев Б.С.* Две России XX века (1917—1993). М., 2008. С. 127.
11. *Пчелинцев А.В.* Свобода вероисповедания и деятельность религиозных организаций в Российской Федерации. Конституционно-правовые основы. М., 2012.
12. *Регельсон Л.* Трагедия русской Церкви. М., 2007. С. 265.
13. *Сахаров А.Д.* Воспоминания. 1971—1989 гг.: жизнь продолжается. М., 2016. С. 266, 267.
14. *Цыпин В.* Каноническое право. М., 2009. С. 718, 719, 723.
15. *Шахов М.О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2013.
4. *Gidulyanov P.V.* Cerkov' i gosudarstvo po zakonodatel'stvu RSFSR: sb. uzakonenij i rasporyazhenij s raz'yasneniyami V otдела NKYu / pod red. P.A. Krasikova. M., 1923.
5. *Zasluzhnyj A.G.* Pravo. Religiya. Zakon. M., 2008.
6. *Konstituciya RSFSR 1918 g.* // Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. Ch. 3. Ekaterinburg, 2009. S. 81—94.
7. *Kudij G.N.* Hrushchev na carstve. M., 2016. S. 202—207, 210—213.
8. *Kunicyn I.A.* Pravovoj status religioznych ob"edinenij v Rossii: istoricheskij opyt, osobennosti i aktual'nye problemy. M., 2000.
9. *Makoveckij A.* Belaya cerkov' vdali ot ateisticheskogo terrora (Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Zarubezhnoj Cerkvi). SPb., 2009. S. 29.
10. *Pushkarev B.S.* Dve Rossii XX veka (1917—1993). M., 2008. S. 127.
11. *Pchelincev A.V.* Svoboda veroispovedaniya i deyatel'nost' religioznych organizacij v Rossijskoj Federacii. Konstitucionno-pravovye osnovy. M., 2012.
12. *Regel'son L.* Tragediya russkoj Cerkvi. M., 2007. S. 265.
13. *Saharov A.D.* Vospominaniya. 1971—1989 gg.: zhizn' prodolzhaetsya. M., 2016. S. 266, 267.
14. *Cypin V.* Kanonicheskoe pravo. M., 2009. S. 718, 719, 723.
15. *Shahov M.O.* Pravovye osnovy deyatel'nosti religioznych ob"edinenij v Rossijskoj Federacii. M., 2013.

REFERENCES

“UNKNOWN” FORM OF OWNERSHIP IN THE USSR

© 2019 A. S. Smykalin

Ural State Law University, Yekaterinburg

E-mail: smykalin@mail.ru

Received 15.05.2017

The article is devoted to the study of state-confessional relations and in particular to the concept of “church property”. The historical development of the relationship between the Church and the State has been traced, starting from 1917 to the present. Analyzed earlier secret documents regulating the right of church property in 1922–1945. Attention is drawn to the legal regulation of state-confessional relations and the new church policy of today.

Key words: Church and State in the USSR, the historical path, secret documents, legal regulation, the form of ownership, state-confessional relations, a new church policy.

Сведения об авторе

СМЫКАЛИН Александр Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, академик военно-исторических наук, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург

Authors' information

SMYKALIN Alexander S. — Doctor of Law, Professor, Academician of Military-Historical Sciences, head of the chair of State and Law History The Ural State Law University, Yekaterinburg